

имел определенный «урок». Уверенность в таком характере работы у нас возрастает, если текст нового почерка будет начинаться со случайного места: например, с середины фразы. Это означает, что писец получил в свое распоряжение в качестве оригинала («матицы») тетрадь с продолжением текста.

Как мы увидим в дальнейшем, такой способ работы может сообщить исследователю очень много данных, чтобы судить об оригинале рукописи и о тексте. Целый ряд особенностей текста может вызываться именно таким характером переписки рукописи. В частности, на свободных, оставшихся незаполненными листах тетради очень часто читатели делали свои приписки и дополнения. Особенно часты эти приписки в конце всей рукописи или даже в ее середине, если это допускал сам жанр произведения: например, жанр летописи, разрешавший бесконечные дополнения в тексте¹.

В тексте писец обычно оставляет свободные места для заставок, инициалов, иногда и для миниатюр, если они предполагаются. Особый художник делает все эти украшения. И в этом случае могут получиться специфические изменения текста: то художник забудет воспользоваться оставленным ему местом, то рукопись вообще не попадет ему и оставленные для него места останутся незаполненными, то он нарисует не тот инициал. Простые киноварные буквы и целые строки писец пишет по большей части сам, но и здесь он может написать их не сразу, забыть о них, а текст и от этого претерпит характерные изменения².

Оригинал, с которого книжник переписывает или который он перерабатывает, с которым он сличает свою рукопись, лежит не рядом: на коленях места немного. И от этого могут произойти также типичные изменения текста, ошибки и опущения. Оригинал далеко — его можно плохо прочесть, случится и забыть текст, пока пишешь, а снова заглянув в него — перескочить глазом с одной строки на другую и прочесть не тот текст.

Общая характеристика изменений текста

Попробуем дать предварительную характеристику этих изменений, которые вносит книжник в свой текст. Ведь восстановление происхождения ошибки или изменения текста есть вернейший путь к установлению его истории. Ошибку в тексте можно заметить легко, но, чтобы определить, каково было первоначальное чтение исследуемого текста, и доказать, что оно было именно таким, а не иным, надо определить, в чем состояла ошибка и как она произошла.

¹ Ср. «наращения» иными почерками в тексте Типографской летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 285).

² Так, в тексте Радзивилловской летописи на л. 217 написано «лѣбъ» вм. «Глѣбъ», а на л. 217 об. «рополкъ» вм. «Ярополкъ». В обоих случаях писец забыл проставить киноварные буквы.

Изменения текста происходят по всей шкале умственной деятельности человека: от явлений бессознательных и ненамеренных до сложнейших идеологических явлений.

Всякий новый текст представляет собой сложнейшее соединение старого текста с изменениями бессознательными, ненамеренными (ошибками текста), к ним иногда прибавляются изменения сознательные, намеренные — идейные (стилистические и идеологические). Текстолог обязан по возможности «расслоить» текст: вскрыть в нем его старую основу и внесенные книжником изменения, строго различая изменения бессознательные (ошибки переписки)¹ и изменения намеренные, в которых книжник выступает как соавтор текста или его редактор.

Деление ошибок на сознательные и бессознательные, а внутри этих категорий на типы — в известной мере условно, так как ошибки обычно «наслаиваются»: механическая ошибка одного писца вызывает ее осмысление другим писцом, неудачное осмысление вызывает необходимость в новом осмыслении и т. д. Поэтому конечная ошибка списка является иногда результатом нескольких предшествующих изменений текста, в которых могут сочетаться и бессознательные, и осознанные действия писца.

С этим явлением «наслоения» мы можем встретиться во всех случаях изменения текста. Различные редакции текста зависят друг от друга, происходят друг от друга, заимствуют частично текст от предшествующих, часто недошедших редакций и т. д. Вот почему никогда не бывает достаточно «классифицировать» тексты — надо восстановить их историческое взаимоотношение, расслаивая различные этапы их истории, восстанавливая, хотя бы приблизительно, не дошедшие до нас этапы.

Сосредоточимся только на изменениях бессознательных. В них есть повторяемость, они могут быть классифицированы, и они в общем довольно просты по происхождению. Изменения же, вызванные идеологическими тенденциями писца, не могут быть классифицированы с такою легкостью. Они будут рассматриваться нами на протяжении всей книги — в самых различных ее частях.

Изменения бессознательные наиболее типичны для простых переписчиков текста, его копиистов. Стремление точно воспроизвести текст оригинала было в высшей степени свойственно простым переписчикам. Переписка текста церковных произведений считалась богоугодным делом, религиозным подвигом.

Некоторые данные о работе переписчиков рукописей можно извлечь из их обращений к будущим переписчикам.

«Аще кто восхощет сия книги преписывати, — читаем мы в Служебнике митрополита Киприана XIV в., — сматрай не приложити или отложити еди-

¹ О проблеме психологии ошибок см.: *Louis Havet. Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins.* Paris, 1911; *J. Andrieu. Pour l'explication psychologique de fautes de copiste.* — *Revue des études latines*, 1950, XVIII. P. 279–292 (в последней работе главным образом о психологии ошибок пропуска).

но некое слово, или тычку едину, или крючкы, иже суть под строками в рядах, ниже пременити слогню некоторую, или приложити от обычных, их же первее привык..., но с великим вниманием... *преписывати*». Зиновий Отенский в своем сочинении «Истины показание» пишет: «Иже аще волит кто коея ради потребы преписати что от книжниц сих, молю не пременять в них простых речей на краснейшаа пословици, но преписовати тако, якоже лежат zde, речи и точки и запятая»¹.

В древнерусских рукописях нередко встречаются жалобы писца на усталость, на болезнь, на все то, что отвлекает и притупляет внимание и плодит ошибки, портит почерк, заставляет перерывать работу.

В Паримийнике XIV в. (ЦГАДА, ф. б-ки Моск. Синод. типографии, № 61) много приписок писца Козмы, жалующегося, что ему хочется спать, что у него недомогание, обращающегося к святому Пантелеймону за помощью и пр.: «...ох мне лихого сего попирия (чирия. — *Д. Л.*), голова мя болит и рука ся тепеть» (л. 22), «...о святой Пантелеимоне поспеши, уже глаза спать хотять» (л. 99 об.)².

Писец Максим («мирским» именем Станимир), переписывавший Апостол Патриаршей библиотеки 1309—1312 гг., так перечисляет свои ошибки: «...а чи где будеть помятено (ошибочно написано. — *Д. Л.*) или криво написано, или с другомь беседа, или в младоумии своемь...»³ Сходно пишет и другой писец: «...а чи буду где помялься (ошибся. — *Д. Л.*) или описалься в своей грубости, или с другомь беседа, или попирен (т. е. хворае «попирием» — чирием. — *Д. Л.*)»⁴.

Жалобы писцов на обстоятельства, ведущие к ошибкам и неточностям в письме, очень разнообразны: «Уже ночь, вельми темно»; «Ох, ох, голова мя болить, не му и псати; а уж ночь ляз мы спати»; «Не тычь же в бок, не лазь же в грех, что ть се пак написах»⁵. Жалуются писцы на перо («лихой перо, неволно им псати») ⁶, на то, что хочется есть и пить («сести позаутрыкати, хотя пост»⁷, «чрез тын пьют, а нас не зовут», «шести ужинат»⁸, «како ми не объестися, коли поставят кисель с молокомь») ⁹.

¹ См.: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 99.

² А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. — Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т. II. М., 1916. С. 273.

³ Там же. С. 352.

⁴ Там же. С. 364. — А. С. Орлов ошибочно полагал, что «попирий» — пергамен (А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.; Л., 1939. С. 177). Ср. «рука попирна» (приписка в Новгородском служебнике XIII в. — Древние памятники русского письма и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1863. С. 56).

⁵ А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 363.

⁶ Там же. С. 358.

⁷ Там же. С. 273.

⁸ Там же. С. 278.

⁹ Там же. С. 363.

Сетуют писцы и на то, что работа им трудна («ох мне лихого сего писания и еще ох»)¹, что мешает работать короста («полести мыться, о святой Никола, пожалуй избави коросты сея»)², что хочется пожить подольше и выпить послаще («о господи, дай ми живу быти хотя 80 лет, пожедай ми, господи, пива сего напиться»)³.

Все эти заботы, желания, болезни, трудные условия работы отвлекали внимание писца и вынуждали его делать ошибки, определяли иногда и самый их характер. Под влиянием голода писец писал вместо «хляби» — «хлебы», вместо «купель» — «кисель», а под влиянием желания помыться — вместо «вода» — «вода» и т. д. Это случаи простые, но иногда подсознательная подоплека ошибок писца очень сложна и требует для своего уяснения тонких психологических исследований. В ошибках писца отражаются его скрытые, подавленные желания и мысли. Тем не менее в целом типы ошибок менее разнообразны, чем их причины⁴.

В дальнейшем мы остановимся на основных типах простейших ошибок писца.

В Древней Руси, как и в Западной Европе, писцы сравнительно редко писали под диктовку⁵. Когда-то под диктовку писали писцы античных имперских канцелярий. По свидетельству автора жития Федора Студита, послед-

¹ А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С 279.

² Там же. С. 278.

³ Там же. С. 273.

⁴ Несколько типичных ошибок собрал А. Ремизов. Он так писал, мысленно отождествляя себя с древнерусским переписчиком: «И каждый из нас старался — буква в букву и точка в точку. Случилось, был грех, прошибешься и вместо «пчела» напишешь «бчела», и вместо «уподобился» — «убодобился» или «видитя» вместо «видити» и не «обаче», а «обоче», а то другой раз в оригинале или по-нашему, в матице, никак не разберу, а пропустить тоже нельзя, возьмешь свое и придумаешь — по догадке, потом схватишься или тот же Еркул подцепит или Солнцев, сенпийтский куробоец (переписчики книг. — Д. Л.), начнет щунять, а уж книгу не воротишь, продал. А какое с Якуном вышло, не дай бог! В Несторовской летописи: «бе Якун съ леп» — «был Якун этот прекрасен», а кого-то под руку дернуло, возьми да и соедини «съ» (се — этот) с «леп» и получилось: «бе Якун сълеп». А этот Якун никогда и на глаза не жаловался, а за свои глаза и в летопись попал. Только это не я, за собой я знаю грех: вместо «реть» (распря) написал «радость», а вместо «полома» (пополам) написал «поломает», и однажды прибавил букву «к»: было в матице — «слыша пение и лики» (хор), а я написал «слыша пение и клики», а в «довлеет дни злоба его» вместо «злоба» — «утроба». Сознаюсь, ошибка, но не в такой степени» (Алексей Ремизов. «Пляшущий демон». Танец и слово. Париж, 1949. С. 69–70).

⁵ А. Dain. Les manuscrits. Paris, 1949. P. 18.

ний также диктовал свои произведения. Можно предполагать, что частично диктовал свои произведения Иван Грозный. Но по большей части писцы переписывали текст не со слуха, а имея перед глазами оригинал или даже несколько оригиналов. Если писец создает свой текст на основании нескольких оригиналов, он по существу проделывает своеобразную творческую текстологическую работу. Этой последней работы мы коснемся в дальнейшем, сейчас же обратимся к элементарным, бессознательным изменениям текста, когда писец переписывает только один оригинал и не ставит себе целью изменения текста, стремясь только более или менее точно его воспроизвести.

Как бы ни протекал этот процесс с физиологической точки зрения, переписывание текста может быть удобно разбито на четыре операции: 1) писец прочитывает отрывок оригинала, 2) запоминает его, 3) внутренне диктует самому себе текст, который он запомнил, и 4) воспроизводит текст письмом¹. Каждая из этих операций может повести к специфическим ошибкам. В целом ошибки настолько часто повторяются в текстах (и по своим типам, и даже отдельные конкретные ошибки), что вполне возможно даже составление специальных указателей ошибок. Такие указатели, кстати, давно существуют для греческих и латинских текстов².

Ниже мы постараемся указать только на типичные ошибки, связанные с каждой из четырех указанных выше операций.

Ошибки прочтения

Чтение писца — особое чтение. Он стремится прочесть, чтобы потом воспроизвести. Его чтение связано поэтому с попыткой разобраться в орфографии оригинала, в различных мелочах з р и т е л ь н о г о облика воспроизводимых слов. Напряженное внимание к этим деталям письма может отвлечь его от смысла прочитанного. Ошибки, которые допускает писец в чтении своего оригинала, могут быть поэтому связаны с палеографическими особенностями почерка и внешним состоянием оригинала.

Писец может быть плохо знаком с характером письма оригинала (с древним уставом, с белорусской или украинской скорописью, с индивидуальными особенностями почерка и отдельных начертаний писца, пишущего скорописью, и т. д.). Переписчик может не разобрать отдельные, вышедшие из употребления буквы. Он может пропустить в чтении выносные буквы, особенно если надстрочных знаков много и они лишены значения. Он может прочесть цифры как буквы, а буквы — как цифры. Он может прочесть одно слово вместо другого, если начертания их сходны; при этом, как правило,

¹ А. Dain. Les manuscrits. 38.

² См. перечень такого рода указателей в книге: Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 61, примеч. 1.